

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЕВОЧКИ МОИ

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

**ДВЕ ЖЕНЩИНЫ
В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

ПОД КРАСНОЙ КРЫШЕЙ

ПРИСНИСЬ

ГНЕЗДО АИСТА

КАК В КИНО

ЖИВАЯ ВОДА

ПО ДОРОГЕ В КНИЖНЫЙ

ВЕСЕННЯЯ ВЕСТНИЦА

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**БОЛЬШАЯ
СЕМЬЯ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Дизайн переплета *Ю. Щербакова*

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Большая семья / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-236112-8

Тяжелая рутина давно стала для Риммы привычной: она живет над автомастерской, среди скрежета железа, запаха масла и горьких воспоминаний. А по соседству — бывший муж, как тень пережитого несчастья...

Но одна спасенная собака приводит к порогу Риммы людей, которые почему-то кажутся родными... Или не кажутся? Тогда почему идти одной дорогой так трудно?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236112-8

© Лавряшина Ю., текст, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Если бы чернильного цвета русалка не расправила над тем домом раздвоенный плавник, Римма, скорее всего, проехала бы мимо, крутя педали не через силу, как бывало в конце прогулок, а с наслаждением. Темные космы облачного призрака падали на лицо, его абрис не просматривался, а вот запрокинутые за голову руки и текучий хвост были видны отчетливо. Остановив велосипед, Римма сошла на обочину асфальтовой дорожки возле недостроенного двухэтажного особняка из серых блоков.

— Какая ты...

Русалка плыла медленно, точно влекомая сном, с ее волос стекали тени дождя, уже пролившегося в соседнем Королеве, а до них пока не добравшегося. В их поселке утренняя тишина еще подсвечивалась рассеянным солнцем, которому лень было пробиваться сквозь серебристую пелену облаков, выбранных речной девой в качестве перины. Было спокойно и мирно вокруг, поэтому донесшийся со стороны дома короткий собачий вой — точнее,

даже полный отчаяния вскрик — и прозвучал таким диссонансом.

Вздروгнув, Римма вытянула шею, словно попыталась стать антенной и уловить продолжение звука, уже оборвавшегося. Он был безнадежным, но коротким, как всхлип ребенка, уставшего плакать навзрыд. Почудилось — или голос и вправду донесся из дома, пустые глаза которого мрачно чернели, уставившись прямо на нее?

— Русалкина собачка потерялась? — пробормотала Римма, глядя на серый фасад с выступающим эркером и окнами-арками.

От дома ее отделяла вызывающе желтевшая лужайка амброзии. Это растение грозило приступом аллергии, поэтому обычно она обходила густые заросли стороной, хотя любила желтый цвет. А еще больше оранжевый...

«Это потому, Римка, что ты сама рыжая! Вот и отыскиваешь подобное», — говорил муж, уверявший, что любит цвет ее волос и веснушки.

Когда-то младшая сестра подарила ей крем, отбеливавший кожу, который ничуть не помог. А Вику раздражали мелкие пятна, рассыпанные по телу Риммы. Один раз она даже бросила: «Бесят!» Тогда Римка не обратила на это внимания. Ей было семнадцать, и она не стеснялась носить короткие летние платья и шорты. Сейчас, почти тридцать лет спустя, разве что паранджу не надевала, но каждый кусочек кожи был прикрыт. Просторные штаны, рубашки с длинными рукавами... Бесят же ее веснушки!

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Цвет амброзии тоже был не совсем по душе даже ей, казался ядовитым. Но иначе как сквозь высокие заросли к пустому дому было не подобраться: от дороги к дверному проему в стене вела только узенькая, неуверенно протоптанная тропинка, которой явно давно никто не пользовался. Может, та собака и проложила ее, чуть примяв траву? Стекла с неба эта хвостатая прозрачными струями, а от земли набралась силы, чтобы обрести плотью. Себе на горе, судя по всему. Еще несколько лет назад Римма сочинила бы сказку про эту небесную собаку... Но не сейчас.

Дом выглядел заброшенным, достраивать его, видимо, не собирались — по крайней мере, не в этом году: лето уже кончалось, август клонился к закату. Римма прислушалась: внутри явно никого не было, кроме той несчастной псины, что подала голос, хотя пытаться докричаться до хозяев не имело смысла.

Прислонив велосипед к старой березе, по растрескавшейся коре которой тут же испуганно разбежались мелкие черные муравьи, Римма привычным жестом собрала волосы в хвост, как делала, готовясь к чему-то важному, и решительно произнесла:

— Ну ладно...

Набрав в грудь побольше воздуха, она быстро пронеслась по тропинке среди опасных стеблей. Заскочила в дом, дохнувший нежилым... Хоть он и был распахнут всем ветрам, воздух внутри пока-

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

зался ей затхлым, тяжелым. Наверняка сюда забредали бомжи... Может, эта собака тоскует по кому-то из них?

— Где ты? — окликнула Римма, но никто не отозвался.

«А если мне вообще померещился этот вой? Может, это был скрип машины? У нас тут встречаются старые... Хотя вряд ли я могла спутать. Уж я-то!»

Под ногами похрустывало, хотя она старалась ступать бесшумно, и мягкие летние тапочки помогали в этом. Но пол в доме был засыпан всякой трухой, мелким щебнем, непонятно откуда здесь взявшимся, и шаги ее все равно были слышны. Если кто-нибудь прятался в одной из комнат, наверняка он уже уловил ее присутствие.

Внезапно ее пронзило жуткой догадкой: а если тот бомж пытается убить собаку?! Вот она и взвизгнула... Возможно, в последний миг. Или успеет спасти?

Сжав кулаки, которым было не занимать силы (еще и поэтому взялась за мужскую работу!), Римма быстро прошла по первому этажу, потом по бетонным ступеням без перил взбежала на второй, постояла наверху, чтобы перевести дух.

«И это в сорок шесть, — упрекнула она себя. — Сегодня это, считай, молодость, по всем меркам! Что же со мной в семьдесят будет? Ходила бы в спортзал и не заметила бы этого подъема».

Но велосипед с юности оставался единственным спортивным снарядом, которому Римма была

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

верна, потому что всегда любила скорость. А еще в каждую прогулку хотелось увидеть как можно больше, совершить новые открытия, хотя окрестности уже были изъезжены вдоль и поперек. Вот только к реке Римма никогда не ездила...

К счастью, в природе все время что-то менялось, начиная с времен года, набрасывавших на знакомую реальность прозрачный платок своего неповторимого цвета... Сносили старенькие домики с мезонинами, отчего у Риммы щемило сердце, стремительно вырастали новые. Правда, какие-то так и не достраивались, как этот, звавший на помощь глубокими оконными проемами.

Римма остановилась у одного из них, проверила свой велосипед, притулившийся у березы. Стоит, голубчик! Впрочем, если кому-то вздумается его угнать, она уже не сможет помешать этому — не догонит...

Наверху собаки тоже не оказалось, оставалось проверить подвал, о чем даже думать было неприятно. Не то чтобы страшно... Хотя...

— Вперед! — скомандовала Римма и сбегала вниз по лестнице.

Не позволив себе остановиться у входа в подвал, она на ходу достала телефон и включила фонарик. Его луч тут же вытянул из тьмы тоненький звук — жалобный скулеж, и ее сердце подпрыгнуло: «Нашла!» У стены что-то шевельнулось, и Римма бесстрашно шагнула в темноту, с которой фонарик справлялся так себе... Но то, что там действи-

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

тельно собака, не слишком крупная, к счастью, рассмотреть все же удалось. Никакой агрессии от нее не исходило, она тихо плакала, скорчившись в самой немислимой позе, и даже не пыталась приветствовать человека. Видно, не ждала ничего хорошего...

— Бедная ты моя, — произнесла Римма так же негромко.

Она осторожно, чтобы не напугать, присела рядом, медленно протянула руку, коснулась теплой головы, почесала за ухом. Притихнув, собака прислушалась к ощущениям. Она не противилась ласке, но и не радовалась, не силилась лизнуть руку — похоже, уже перестала доверять первым впечатлениям. Может, тот, кто привязал ее здесь и бросил, тоже погладил сначала...

Отгнав невольную мысль о муже, Римма заговорила вслух, чтобы собаку успокоил звук ее голоса:

— Сейчас мы тебя освободим... Давно тут сидишь? Ах ты, бедолага...

Она продолжала осыпать несчастную ничего не значащими словами, а сама пыталась справиться с узлом, которым та была привязана к старой чугунной батарее, непонятно зачем появившейся в подвале строящегося дома. Не ради того же ее притащили, чтобы удержать здесь пленницу? Пальцы у Риммы были крепкими, но веревка не поддавалась, ее закрепили намертво... Вот когда она впервые за последние месяцы подумала о Сергее с благодарностью: это он приучил ее всегда брать

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

на прогулки складной перочинный ножик. Много места не займет, но может пригодиться. Мало ли...
Времена не самые спокойные.

Поглаживая спутанную шерсть левой рукой, Римма выудила ножик, и, оторвавшись от собаки, спокойно извлекла лезвие. Потом снова прижала ладонь к гладкому лбу и начала осторожно пилить не толстую, к счастью, веревку возле батареи. Оставшейся длины должно было хватить, чтобы использовать ее как поводок. Хотя псинка, похоже, и не думала убежать. Приникла к ее ноге и затихла, как показалось Римме, уже не испуганно, а блаженно. Когда ее нежили в последний раз? Или сейчас вообще был первый?

Наконец нож провалился в пустоту... Стараясь не дергаться, Римма сложила и спрятала его, намотала веревку на руку и ласково позвала:

— Пойдем? Наверху у меня есть водичка, попьешь.

Вряд ли собака поняла, чем ее заманивают, но рядом пошла без сопротивления. Не рванулась вперед, не потянула за собой, а пристроилась — шаг в шаг! Душа в душу... Точно они не просто были давно знакомы, но гуляли вместе уже сотни раз. И только в зарослях амброзии собака выскочила вперед, потащила Римму, словно знала, как опасны для нее эти яркие сорняки.

— Ах ты, умница...

Только когда выбрались с чужого участка на проселочную дорогу, удалось разглядеть, что она вызво-

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

лила из подвала черно-белого русского спаниеля, причем мальчишку. Как ей показалось, достаточно молодого... Хотя что она понимает в собаках?

Последняя — дворняжка Лялька — жила у нее, когда Римка сама была еще ребенком, училась в каких-то средних классах, а сестра только пошла в первый. Ляльку ей тоже пришлось спасать: малышку сбила машина, и девчонки, игравшие в классики прямо на проезжей части переулка, вытекающего на шоссе, первыми бросились на помощь. У Риммы была с собой кофта, в которую и завернули Ляльку, чтобы отнести в ветеринарку. С собакой на руках, меняясь на ходу, бежали до клиники — водитель, конечно же, скрылся еще до того, как подружки выскочили из переулка.

Ветеринар заверил их, что у Ляльки (свое имя собачка получила уже по дороге!) только сломана лапа, зафиксировал кость и выпроводил девчонок из клиники. Римка, в те годы собиравшаяся стать врачом, твердо заявила, что забирает Ляльку и будет лечить. Их мама тогда уже почти не вставала с постели, от сестренки Вики помощи было немного, а отец пропадал на работе, так что Римма была в доме за главную. Потому до сих пор и корила себя: выходить не удалось ни маму, ни Ляльку... Похоже, ветеринар утаил истинный характер травм, сообщив, что собака скоро умрет. Решил не огорчать девчонок...

Тот год, когда Римке исполнилось тринадцать лет, остался в ее памяти черным провалом в такое

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

отчаяние, какое она испытала много лет спустя, потеряв сына. В тот год она ослепла и оглохла... Нет, на самом деле не утратила ни зрения, ни слуха, но вот мужа видеть перестала и не слышала, что Сергей говорил ей. Какое-то время он еще продержался рядом... Но кто осудит его желание заскочить в последний вагон — стать отцом на шестом десятке лет, раз нашлась молодая и плодовитая? Готовая осчастливить.

Римма отпустила его. По крайней мере, так казалось со стороны, а душу она никому даже приоткрывать не собиралась... Неприглядно там, сплошные лохмотья.

* * *

Не выпуская веревки, она достала из велосипедной корзинки бутылку и налила в пригоршню воды.

— Пей, малыш. Может, так тебя и называть? Малыш. Как тебе?

Теплый язык уже вылизал ей ладонь, и Римма наполнила ее снова. Ей нравилось, как Малыш пил: с явным желанием, но без остервенелой жадности, которая часто охватывает измученных жаждой. Или не так долго он и просидел в подвале? Но как оказался внизу и что его ожидало? Эти вопросы можно было задавать бесконечно, только ответов на них не находилось.

Вытерев ладонь лопухом, усеянным мелкими дырочками, Римма потрепала Малыша.

— Пойдем домой? Попробуем найти твоего хозяина. Ты же не дворняга, мой милый, у тебя должен быть свой человек...

Против мытья в желтом пластиковом тазу Малыш не возражал. Римма вынесла его к крыльцу, где спаниель согласился ее подождать, сходила за шампунем (пока человеческим, конечно!) и полотенцем. Пес спокойно сидел возле оставленных вещей, будто со знанием дела стерег их, хотя порода склоняла его не к охранной службе, а к охоте. Этого Римма предложить ему не могла, разве что тихую — по грибы... Они уже появились в окрестных подмосковных лесах, можно было выбраться как-нибудь.

— Если тебя не заберут у меня, — пробормотала она, избегая печального, как у всех спаниелей, взгляда. — Может, ты потерялся? Хозяева там с ума сходят, ищут... Придется вернуть тебя.

То, что она допускает самую мысль об этом, уже казалось Римме предательством. Но трудно было не думать о том, как плачет сейчас мальчишка, упустивший своего песика на прогулке, или такая же девочка, какой была она во времена Ляльки. Следовало разыскать их и вернуть собаку...

— Но сначала тебя нужно привести в божеский вид, — приговаривала Римма, намыливая длинную шерсть. — А то от тебя, уж прости, пахивало... Этот проклятый бомж усадил тебя на то место, где сам дрых? Неужели он задумал тебя съесть? Каких ублюдков земля носит...

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Ей почудилось, что Малыш вздохнул: в его собачьей голове тоже никак не укладывалось, как можно опуститься до такого. Ополоснув его чистой водой и хорошенько растерев хоть и старым, местами истончившимся до нитей, но вполне чистым, некогда банным полотенцем, Римма подхватила песика и перенесла его в коридор, ведущий мимо автомастерской к лестнице на жилой этаж, чтобы снова не испачкался. Пока она выливала воду, пристраивала посушиться полотенце, Малыш смиренно ждал у порога — его тактичность поразила новую хозяйку до глубины души.

Вернувшись, она похлопала по бедру.

— Пойдем, Малыш. У меня найдется для тебя мягкое одеялко...

Не детское. Одеяло, которым Римма укрывала маленького сына, и его подушечка хранились в комодке до сих пор, но собаке она выделила старое одеяло мужа. Не то чтобы мысленно приравнивала Сергея к кобелю, но почему-то ей показалось это позволительным. Свернув вдвое, она разрешила верблюжье одеяло по сгибу, одну половину унесла наверх, в жилую часть, вторую оставила в небольшой мастерской, где лечила автомобили — так Римма думала о своей работе. Она обустроила ее под себя, Сергей ремонтом машин никогда не занимался. Даже свою «японку» до знакомства с Риммой отвозил в сервис, сам ничего в этих механизмах не понимал. Да и ей не доверял в первое время: «Ты же девушка! Что ты в этом понимаешь?!»